

Самсара

Михель Константин

Константин Михель

Самсара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69295720

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда жгучее отчаяние достигает накала, происходит выброс его во внешний мир. То, что с трудом создавалось поколениями, уничтожается в считанные минуты. Что может один человек? Как ему жить с таким ядовитым гнетущим окружением? Остаётся ли место для чего-то ещё, кроме ослепляющей злобы?

Константин Михель

Самсара

Худое утро начиналось в палате с тревожных шагов. Старые половицы скрипели под твёрдой задумчивой быстрой походкой. Снова ночь без сна, в бесконечном замкнутом круге. Как и весь день, где целые недели подобных перетеканий в месяцы и годы. Неловкий шаг, дребезжание случайно подвинутой кровати – и дальше идти, угрюмо и внимательно смотря в пол, иногда кивая или покручивая ладонью у тёмной головы, будто подкручивая бедные системы давно неработающего путевода.

– Гаврик, ложись! – злобно шепнул дед. Больной пристрастием к напиткам, что на несколько часов туманили грустное сознание и, тем самым, давали невозможную надежду на облегчение.

Ходящий ничего не слышал. Он настолько плотно увяз в обрывочной паутине смутных ощущений и тревожных мыслей, что мог только поддерживать начатое движение: без надежды и всякого смысла. Семь шагов в одну сторону, разворот – в другую.

Размеренный привычный скрип не всем мешал. Этот дед всё равно не спал, мучительно ожидая прихода утра, чтобы потом ждать ночь – храня в уме, иногда перебирая, что его, может, и не забыли здесь, заберут. Но перебирал он это со-

всем недолго, и тут же прятал обратно – чтобы никто не забрал. Без этого он совсем бы перестал мыслить себя и, как ему казалось, перестал бы вставать с кровати. Лишь эти крупницы и желчь, которую он копил от недостатка жизни, держали в нём сознание от полного распада.

Был человек, которому этот шум, наоборот, помогал. Скрип казался Акакию чем-то музыкальным и высшим, спасающим от самого себя. Слыша эти звуки, он понимал, что можно засыпать, что он не учудит чего-то ужасного, что его опекает высшее.

Остальным было всё равно. Они мертвенно лежали, не шевелясь и даже, возможно, не дыша. Только с приходом санитаров, они вяло открывали пустые глаза и уходили в коридоры, чтобы там найти другое место и тихо забиться до вечера.

За час до пробуждения, Гавриил устало ложился и сразу же проваливался из одной бесконечной паутины в другую – и даже не замечал это, продолжая слегка напрягать попеременно ноги, будто продолжает движение.

Отчаянный скрип металлической сетки из-под матраса был самым ненавистным звуком для Акаши: он каждый раз испуганно открывал глаза, нервно начинал раздирать исполосанную руку и сразу же поднимал все силы на защиту окружающих от себя. Приходилось брать щит и нести его весь день, чтобы ничего не произошло.

Акаша быстро и незаметно пробежал глазами по комнате,

ничего не осмысляя, и слегка сжал руку в районе вмятины на верхней левой стороне головы. Он думал о том, что же значит скрип кровати в связи с карой Бога за его, безусловно, непростительные грехи: за дыхание, за моргание, за секунду улыбки. Акаша чувствовал, что ему нужно быть лучше – и поэтому он вытягивал тело и разжимал неужённые руки. Ему представлялось, что он сладостно расслабился, тогда как на деле его мышцы были напряжены до предела и только внутренний разлад не давал почувствовать усталой боли – сигналы просто терялись в большой голове, и потерянно уходили в другие отделы мозга, вызывая то смех, то желание зевнуть.

Наконец, утренняя «зарядка» кончилась. До его туманного сознания, где-то между темой об овощах в огороде и практического воздержания, дошла возня в коридоре. Он уже не мог осознавать, и лишь тупым заучиванием понимал, что до подъёма оставалось пять минут. Словно собака, ожидающая пробуждение хозяина в одно и то же время, он своим внутренним чувством знал распорядок, и мучительно выжидал одну ступеньку за другой, продираясь сквозь череду почти неразличимых очередных дней.

Чутьё не обмануло Акашу, как и его соседа, мучающегося от тяжёлого желания прожечь горло пагубной привычкой и отключить даже эти ноющие выученные элементы. Свет приносил ему боль, и один раз, в порыве горячки, он даже решился выколоть себя глаза, но по дороге споткнулся о ступеньку на пороге дома, ударился головой о небольшой шкаф

в коридоре – и забыл. Это непонятным образом связалось у него, и больше дед не пытался ничего с собой сделать, калечась только случайно от недостатка ловкости или внезапного блаженного отключения сознания.

Распорядок дня соблюдался строго: каждое утро, ровно в 7 часов утра, будили всех и заставляли выходить в коридор. В выходные дни давали слабое послабление и будили на полчаса позже. После завтрака был приём таблеток, коридор, осмотр врача, обед, дневной сон, снова коридор, ужин, таблетки, коридор, отбой, мучительный сон – и новый день. Всё, что касалось этапов дня, выполнялось точно. Это было нужно не только для поддержания порядка, но и для помощи в оформлении жизни, чтобы пациенты не забывали, что всё ещё живут и случайно не умерли.

Растолкав жизнь в едва тёплых худых телах, санитарка выгнала их наружу. Она наругалась на тех, кто был в достаточной силе понимания себя, потому что не застелили кровать – и те, наспех, машинально застелили, даже не отвлекаясь от собственных мыслей, затем повалили в коридор и там сели на пол. Нескольких пациентов нужно было поднять и одеть – их сердце едва справлялось с тем, чтобы просто биться, и оно никак не могло дать больше жизни, как ни старалось. Поэтому в этом его заменяли другие люди. После одевания их тоже выгоняли. В коридоре вся забота о пациентах кончалась до завтрака, и они были предоставлены своему недугу в полную власть – лишь бы не мешали другим. Акаша забился у тёп-

лой батареи, ощущая себя в пламенном аду за все те мысли, что он думал по дороге от кровати. Он почти что плакал, но не решался и лишь мысленно вытирал воображаемые мокрые глаза. Гавриил же, поднявшись, сразу же несколькими точными движениями убрал кровать и вышел в коридор – там его пространство увеличивалось чуть ли не в десять раз, и время начинало бежать быстрее, как и мысли внутри.

Коридор, несмотря на движение нескольких больных, ощущался как мёртвый – только тревожный шёпот персонала оживлял эту тягучую атмосферу.

– Не дай себя поглотить... Будешь... Снова и снова исчезать. Исчезать! Но приходить! – будто заклинание, говорил про себя один из больных.

– Мы с Маринкой, помнишь, да?.. Что?.. Нет... Мы были тогда!.. Ты забыл? Это же три года назад было. Я тогда слесарем работал... Вспомнил? – говорил другой больной, сидя совершенно один в углу коридора.

– Отдел «К»... Отдел «К»... – повторял третий больной, сосредоточенно и потерянно прошагивая коридор.

Никто не обращал на это никакого внимания.

Внезапно, что-то пошло не так. То самое выученное ощущение вытянуло Акашу от батареи к противоположной стене. Стоная, он отбежал к кушетке и сел на пол рядом, страшно смотря на предыдущее место обитания. Из одного острова он попал на другой, где ему было ещё страшнее, но тут он, хотя бы, чувствовал, что мог бессмысленно и страшно

существовать. Затем моргнул свет, потух. Где-то очень далеко воздух разрезал ритмичный стук: крохотные хлопки. Затем молчание. Люди прижались к стенам, кое-кто начал кричать, кто-то молиться, а кто-то просто смотрел в стену и не мог понять, что мешает его мыслям – они как будто ощущали лёгкое прикосновение жизни снова, и не понимали, что с этим делать, давно разучившись жить. Персонал суетился, что-то происходило. Акаша закрыл глаза.

Когда он их открыл, слева от него, впереди, немного виднелась дыра в непрístupной кирпичной стене. Весь коридор затянул густой туман, который вытягивался дырой и простирался в тяжёлую бесконечность. Куда-то делись люди – кроме тех, что лежали под кусками стены, облегчённо лишённые последних крох жизни.

Акаша закричал, а затем больно ударил себя по голове за то, что навредил другим – он точно знал, что это из-за него они лежат, и больше не встанут. Ему казалось, что Бог его наказал и теперь он будет вечно жить, видя только мёртвых, а сам не сможет умереть, потому что уже не знает «как».

Ударившись несколько раз о кушетку, он решил найти нож, чтобы попытаться вскрыть вены – и в этот момент из тумана нерешительно показалась фигура. Гавриил смотрел испуганно, и как будто бы даже что-то воспринимал. Акаша обрадовался знакомой фигуре, и сразу же из его головы исчезла цель – теперь он просто застыл у кушетки и смотрел. Гавриил ломал руки, несколько раз сощурил глаза, пытаясь

решить: что же ему делать перед настоящим миром. Затем он неуверенно подошёл к стене, упираясь рукой в торчащие белые кирпичи, и вышел наружу.

– Куда?.. – тихо застыл Акаша, но, увидев, что это не имело никакого смысла, собрался и пошёл следом в гущу серого тумана. Он боязно остановился у самой стены, приподнял руку, коснулся и почувствовал странное тепло. Обрадовавшись, протянул руку и шагнул дальше.

* * *

Ржавым одиноким покрывалом укутало небо. Неясные вереницы дымчатых образов бежали, словно их несло что-то небесное и гнетущее. Солнце печально тянуло свои лучи, пытаясь обогреть брошенную жестокость и невыносимую лёгкость бытия. Пытаясь укутаться и спрятаться от происходящего, светило каждый раз оказывалось нагим и печальным. Оно пыталось цепляться за то, что уже осталось давно позади.

Как солнце смотрело на него, так и Акаша смотрел на тёплое окошко, словно на свою оставленную надежду. Он обнимал лучи, пытаясь стать тем, чего ему самому не хватало – потому что никто больше не думал об этом. Все принимали эту теплоту как обычное, и часто назойливое. Как будто так было всегда – и будет бесконечно долго. И что от этого нельзя отделаться, как нельзя разучиться дышать или быть живым. Правда, насчёт последнего многие бы поспорили – Акаша видел таких людей. Только дышать они не разучились,

как отчаянно ни пытались.

Где-то вдалеке хлопало и взрывалось. Где-то не здесь – может быть, этого и не было вовсе.

Акаша поднял руку в потрёпанном халате.

– Почему небо жёлтое? – спросил он, пытаясь послать своё тепло обратно в глубоко задумчивое небо. Ему хотелось поделиться радостью и чувством признательности за то, что у него есть друг.

– Оно лжёт, – тихо сказал рядом стоящий Гавриил, беспокойно перебирающий пальцы. Он хотел провести пальцем по бетонной плите, но расчёты каждый раз показывали, что он не добьётся желаемого результата – и поэтому медлил.

– Зачем же оно так делает? – удивился Акаша.

– Больше ничего нет.

Наконец, Гавриил решился и провёл большим пальцем по тонкому слою пыли, оставив неясную многозначную фигуру рядом с двумя следами от пуль.

– Теперь это будет иметь смысл, – сказал он. – Долго же пришлось тебя ждать. Правда... правда, – с утверждением повторил Гавриил. – Не зря же я вышел. И всё это не зря. Так и было – только не совсем. Я думал: чего же не хватает? Теперь ты завершена, мой ум спокоен.

Отойдя на два шага назад, Гавриил посмотрел на своё творение, отошёл в сторону и сел на пыльную притаившуюся почти истёртую покрывку.

– Всё чувствую, что нужно сделать, – нервно заговорил он,

шурясь и сжимая упёртый в ногу кулак. – Что-то. Это надо сделать – чувствую, как будто разорвусь.

Акаша повернулся к своему другу и, пользуясь свободным моментом, нежно погладил травинку, щекотавшую худую бледную ногу.

– Мы пыль. И так нельзя продолжать, – заключил Гавриил. – Когда-то всё было не так. Оно истлело, изжилось, сгнило. Мы кончились, все.

– А что нужно?.. – смущённо спросил Акаша.

– Я... – начал Гавриил, и резко остановился, поднял строго худой длинный палец, пресекая все попытки. Его взгляд как будто погрузили в что-то отвлечённо-далёкое. Как будто он смотрел не сквозь даже пространство, а уже видимую мировую форму – в самую суть. Несколько раз он молча кивнул, через пару минут выдохнул и заключил: – Теперь я понял. Что действительно надо сделать.

После этого уверенно встал. Больше в его худом потрёпанном теле не чувствовалась тревожная тень волнения – как будто в него вставили металлический стержень, и он не согнулся бы, даже если захотел.

– Что нужно сделать? – спросил Акаша.

– Надо разжечь их... Но не здесь, – и пошёл в сторону, вдоль старых бетонных плит.

Смутно ощущая себя и тело – то ли от голода, то ли от изменений в мире – Акаша тяжело встал и будто поплыл следом. Ему было непривычно передвигать задеревенелые

негнувшиеся ноги. От того, что их как будто никто не чувствовал, ноги хотели согнуться каждый шаг, но преодолевали эту глупую идею, веря, что есть кто-то, кто на них ходит, и двигались дальше.

Акаша перестал ощущать пустое время и тянущееся пространство. Короткие неправильные постукивания, что он мог слышать иногда, быстро тонули в его тягучей памяти – о них напоминали только редкие гильзы, да дыры в потускневших старых стенах и холодной земле.

Иногда они кушали, иногда спали, но чаще брели. Акаша только видел спину своего друга, и радовался этому, как нежному солнцу, даже если оно отдыхало за горизонтом. Иногда он падал на колени возле очередного человека, убитого случайным грустным стечением обстоятельств, и плакал – ему становилось жаль это тело, которое лежит никому ненужное, даже душе, и человек становится забыт. Было и такое, что он по полчаса разглядывал раскрывающийся утром цветок одуванчика, который приветствовал его, и устало поднимающееся солнце, своими жёлтыми лепестками.

Когда Акаша снова заметил окружающее пространство, они были в частном секторе. Гавриил устало лёг на лавку, подняв свои грязные потемневшие ноги без обуви. Акаша лёг рядом, прижимаясь к лавке ближе, закрываясь руками от всего мира – чтобы отдохнуть. Солнце тоже клонилось к горизонту.

– Отдых впереди, – с тихой радостью прошептал Акаша, и уснул.

Проснулся он от скрипа двери и сразу же вжался всем жалким существом под скамейку, ощущая, как уверенно ползают муравьи по холодной бледной спине. Ему казалось, будто тёмные ветви, тяжёлые листья, одинокий ветер – вся Земля – тянется к нему, чтобы наказать. Как будто они хотели взять его за ноги и утащить в страдающую неизвестность – возможно, к такому же покинутому существу. Но Акаше не хотелось туда идти, он хотел остаться собой и рядом с другом. Поэтому он по-детски закрывал глаза, будто прячась от насмешки мира над его нежностью и всеми холодными неудачами.

После этого была череда страшных непонятных звуков: скрип, медленные тяжёлые шаги по половицам дома, удаляющееся шуршание травы и ветра, трение металла о землю. Акаша оцепенел от ужаса и, чтобы как-то привязать себя к этой земле, чтобы не уйти случайно и окончательно из слабого тела, вцепился грязными потрескавшимися ногтями в одну из ножек скамейки, а второй – в свою. Так он привязал себя и стал чувствовать спокойнее от болезненной определённости жизни. Вскоре после этого забыл о тяготах мира, и снова уснул.

Когда Акаша открыл глаза, уже рассвело. Он бросил взгляд на своё жалкое худое тело, не умерло ли оно за холодную ночь, не растянула ли его по кускам хищная приро-

да. Заметив засохшую под ногтями кровь, он обсосал пальцы и начал выбираться из своей берлоги. Гавриила не было на лавке. Испугавшись, что остался один, Акаша бегло начал осматриваться и тонкой болючей иглой вонзилась мысль: «никого». В глазах мир сразу опасно закружился, начал пульсировать и темнеть, а сердце боясь, что тело умрёт, начало компенсировать это и бешено стучать.

Кое-как, не разбирая окружение, Акаша нащупал лавку и сел. Ему хотелось плакать, выразить своё человеческое горе одиночества сознающего духа. Голос дрогнул, прокатилась слеза. Но тут скрипнуло что-то в стороне. Акаша повернул голову – Гавриил поднимался по лестнице дома рядом. Сразу же прошла печаль и сердце Акаши наполнилось теплотой ко всему миру, почувствовав которую он и пошёл за другом. На полпути он совсем потерялся и стал любоваться красивым живым соцветиям бутонов радостной яблони: её неприкрытое желание размножиться леденяще завораживало, но совсем не пугало.

Из дома послышался топот, удары, битая посуда. Но эта резкость тонула в плавности белоснежных лепестков и свежести туманного утра. Будто только здесь кончалась темнота страдания и, совсем на мгновение, начиналась настоящая человеческая жизнь. Возникший где-то в глубине дома крик сразу же потонул в пучине повседневности и будничной спешки. Акаша, собравшись с силами, решил нарушить грустную невинность и совсем чуть-чуть коснуться пальца-

ми спокойствия и светлости, от которой не мог оторвать глаза. Робко потянув руку, как будто яблоня могла обидеться на такую наглость, он всё-таки едва коснулся маленьких палочек, выглядывающих ему навстречу – и сразу же засмутился, познав таинство Жизни. Никто никогда не давал ему касаться таких сокровенных и нежных мест.

– Спасибо большое, – смущаясь, прошептал Акаша, совсем едва позволяя себе дышать приятным запахом весны. Он не ждал ответа – само действие уже сказало ему всё, что он и не смог бы услышать.

В этот же момент вышел Гавриил. Вместо верхней части пижамы на нём теперь была широкая рубашка, а на босых ногах торчали нелепые от величины ботинки. Акаша перевёл взгляд на него и совсем на секунду заметил, что у входа в дом, внутри, стояла куча детской обуви.

– Это магазин? – тихо спросил Акаша.

Гавриил быстро вытер лезвие ножа в руках о грязную тряпку, и тут же выкинул всё это в небольшой зеленеющий кустик в стороне.

– Теперь всё сделано, – со спокойной уверенностью сказал он.

– Это магазин? – почти бесшумно повторил Акаша.

– Ты что-то говорил? – твёрдо, как будто сверху, переспросил Гавриил.

– Да... Там обувь, детская. Много, – поворачиваясь, нервно проговорил Акаша. Как будто звуком он доказывал своё

существование, стыдился, и поэтому хотел исчезнуть.

– Дом, как дом – только без детей. Может, в наследство дали? Не знаю. Всё равно там жизни не было, а теперь точно. Пойдём.

Несмотря на висящие тревогой тучи, Акаша радовался своей жизни, потому что не думал о ней. Лишь краем глаза он заметил несколько вздутых рыхлых куч земли позади дома, но не придавал этому значения, и пошёл следом.

Следуя болезненным порывам, они пошли дальше. Нужно было успеть уйти, чтобы куда-то прийти вовремя. Если Акаша никуда не спешил и радостно наблюдал движение в своей сути, то Гавриил почти чётко знал время и место, где требовалось находиться живым.

На улицах почти никого не было. Или так только казалось. Иногда встречались брошенные машины и догорающие военные устройства – они уходили в ничто, чётко выполняя свою задачу. Иногда бывали и мёртвые тела – тогда Акаша оплакивал их, как будто вместе с ними умирало что-то внутри него, но, спустя несколько шагов, снова рождалось, готовое к очередной своей кончине. Акаша не замечал этого, а мёртвые устало ждали разложения.

Один раз им встретился пожилой мужчина. Он просто сидел на лавке, облокотившись на трость, и смотрел на надпись «нет войне» на заборе напротив. Там, под ней, расцвели белоснежные ромашки. Акаша тоже остановился на несколько секунд, но Гавриил не хотел прекращать движение, и поэто-

му Акаша тоже ушёл. Мужчина даже не повернулся к ним – возможно, на самом деле он уже умер в размышлении, и жизнь его тела только казалась. Акаша хотел проверить это, но побоялся, что тот рассыпится, и быстро побежал за другом.

Подходя в нужный им район, Гавриилу стало плохо. Будто он потерял связь с окружающим светом и всем прошлым, и упал в одном из пробитых несчастьем домов. Он упал на пыльную кровать, и мертвел там два дня, пока неожиданно не воскрес своей прежней брошенной жизнью.

В это время Акаша тихо бродил по дворам: он искал общения и, хотя бы, привычного досуга. Иногда хотелось есть, и тогда он жевал свою рубашку, выпуская в исхудавший желудок тяжёлый сок, перемещающий ткань жизни из одного в другое. Чудесным образом, не получая ничего или только зелёные листья, желудок давал ему поддерживающее чувство худого бытия.

На одной из улиц мальчик и девочка играли в классики, худо вычертив тонкие линии квадратов на брошенной земле, и были в этом деле непривычными для окружения, как и сам Акаша раньше. Всякое проявление ушедшей жизни казались здесь неуместным и неправильным. Но его, как и любую жизнь, невозможно было уничтожить одним желанием и овеществлённым трудом – поэтому они прыгали по квадратам.

На вид им не хватало ещё развития для школы.

– А что вы здесь делаете? – спросил Акаша, приседая штанами на траву обочины. Обычный его тихий голос в окружающей пустоте казался звенящим. Акаша испугался этого, и хотел уже вставать, чтобы уйти.

– Нам, дядя, мама запретила с чужими говорить, – с жизненным задором ответила девочка, допрыгивая до конца.

Акаша успокоился и решил сидеть дальше. Он сделал над собой усилие, стало жаль брошенную жизнь.

– Так давайте подружмся – и больше не будем чужими сердцами. Меня Акашей зовут.

– Настя, – серьёзно протянула свою ручку девочка. – А это Дима, но он стесняется прыгать и поэтому ничего не скажет. Разве что, если вы не хотите заплакать.

– Заплакать? – удивился Акаша. – Не знаю... Вроде, не хочу. Приятно познакомиться, Настя, – улыбнулся Акаша. – У тебя платье будто горит – хоть и грязное.

– Это потому, что бабушку убили, – нисколько не смущаясь, сказала Настя. – Я расстроилась – и платье тоже.

– У многих людей так, – ответил Акаша, вытирая выступившие слёзы. – А у меня друг есть.

– Его тоже убили? – спросила Настя, забегаая на начало дорожки.

– Нет, он устал и не просыпается.

– Тогда его убили. У меня бабушка тоже не проснулась. Они всегда лежат, обманывают, будто спят, а потом не встают.

– Он проснётся, – немного обижаясь, ответил Акаша.

– Хорошо, – ответила Настя.

Смотря на этих детей, Акаша преисполнился горькой печалью и стыд острой иглой воткнулся в сердце. Захотелось сплюнуть это, но, на его жидком небритом грязном лице, выступили раскаянные слёзы.

– Почему вы плачете? – грустно спросил мальчик. – Это из-за вмятины на голове?

– Нет – это от другой злости. Плачу, потому что вы должны быть там, – Акаша, едва сдерживая рыдание, махнул вверх. – А вы... вы здесь...

Нелепым движением Акаша попытался вытереть слёзы, но, на половине пути остановился и пристыдился этому, замер.

– А вы разве не должны были? Вы тоже здесь.

– Не знаю. Но я должен был что-то... – только и ответил Акаша.

Больше они ничего не сказали друг другу, наслаждаясь редкими минутами человеческого сообщества. Через несколько часов дети устали и совсем ушли. Акаша замёрз и поэтому пошёл домой. Хотелось удариться головой о стену, чтобы эти дети чувствовали себя радостно и обрели жизнь. Дома, увидев Гавриила, он, забыв обо всём, молча и нежно прилёг рядом, чтобы погреться, и распрощался со всем миром до завтра.

Пробуждение Гавриила связно разбудило и Акашу. Он

тревожно подскочил, ужаленный страхом, и обернулся на шум – увидев живого друга, успокоился и поспешно сел. Гавриил не обратил на эту тревожность никакого внимания. Акаша ничего не говорил – после прошлой активности ему нужно было время восстановиться, и он ушёл в собственную пустоту, бесцельно смотря на разбитое окно.

Просидев несколько часов в беззвучии, Гавриил, наконец, встал и вышел из дома. Акаша окружающими переменами тоже был выдернут из сознания, встал и пошёл следом.

Через час они, наконец, вышли к грунтовой, потерянной временем и городским развитием, дороге на окраине осиротевшего чувствами города. На одной из лавок сидела неглубокая ещё бабушка, состаренная лишь страданием, которому и сейчас предавалась – как последнему, что ещё осталось от её человеческого существа. Её не по погоде тёплые слои одежды, которые всё равно не грели уже худое дряблое тело, почему она уже даже и не тряслась от холода, подчёркивали окружающую скорбь и запустение.

Акаша застыл рядом. Он не знал, что делать с человеком, который ещё был жив. Если бы она была мертва, то он стал оплакивать, а, пока жива и плачет, он лишь смотрел и думал о себе всякие гадости за бездействие.

Гавриил подошёл и твёрдо спросил:

– Женщина, почему ты плачешь?

Женщина убрала руку от лица, но не повернулась.

– Горе у меня... горе...

– Какое? – всё с той же твёрдой строгостью спросил Гавриил.

– Девочка моя... ой, девочка... Пропала... Малышка моя... ноженька моя... Пропала совсем! – и раздалась новой волной сухих рыданий.

– Говори толком, или мы пойдём, и ты будешь плакать одна, пока не умрёшь.

Акаша хотел поправить друга, но, посмотрев на него, сразу же забыл и успокоился. Скорее, он бы поверил, что это бабушка неправильно думает у себя, чем Гавриил.

– Маленькая была совсем... золотишка моя... Пропала... Десять лет назад пропала...

– Она умерла давно. Иди дальше.

Женщина покачала головой:

– Нет... Если я живу, то и она живёт... Я её под сердцем носила – и запомнила её жизнь, как она стучит...

– Скажи, женщина, если запомнила: почему дети не умирают, когда родители?

– Потому что дети не запоминают нашу жизнь, маленькие – только родители и помнят. Мы умираем, а вы живёте. Вот и моя дочка жива, потому что я живу.

Гавриил махнул рукой на пожилую женщину и пошёл дальше. Акаша поклонился – больше в своих мыслях, чем в реальности – и побежал следом. Женщина сразу же забыла, что кто-то был рядом, и пустилась обратно в увядающую память о своей зрелости, где была дочь и тёплый день.

Яркое солнце, которое, казалось, было повсюду и не создавало тени, припекало лицо. Весь мокрый, Гавриил шёл уверенно и не замечал ничего, кроме своего пункта назначения. Акаше было тяжелее идти, он задыхался, стараясь не умереть от вины и радости жизни, насколько мог. Они не ели уже несколько дней. Насколько помнил Акаша, они почти ничего не пили – он не мог с уверенностью сказать, пил вчера в реальности или только во сне.

Задыхаясь, Акаша подошёл к калитке. Гавриил стоял у зелёных металлических листов: он знал, что нужно туда, но дверь была закрыта – нужно было перелазить два с половиной метра. Гавриил подпрыгнул, хватаясь руками, и с досадой упал вниз – тонкие листы болью впились в потрескавшиеся от сухости и грязи пальцы. Хотелось пить и бросить свои кости здесь, забиться в канаву и больше никуда не идти. Но нужно было идти дальше – больше некому. На него возложили задачу, потому что Он верит в силы Гавриила – поэтому и сам Гавриил будет верить в свои. Гавриил попытался ещё раз прыгнуть, но безуспешно. Акаша уже отчаялся и просто сел на землю разглядывать как живёт мелкий народ муравьёв, как они продолжают трудиться, когда сознание наверху лишь разрушает.

«Возможно, они и построят будущее когда-нибудь», – с радостью, подумал про них Акаша. Ему показалось, что у жизни есть ещё надежда.

Нужно было придумать другое решение. Поэтому Гаври-

ил прошёл вдоль забора, ища прореху человеческой разрушительности и беспечности – и нашёл. В углу, на помощь Гавриилу пришла жизнь, когда-то направив собаку отрыть небольшую ямку под забором – и сбежать. Худой Гавриил с лёгкостью змеёй пролез и открыл дверь своему спутнику: она не была закрыта на замок – только на защёлку. Через минуту, шатаясь, Акаша зашёл внутрь.

Впереди было зарастающее жизнью небольшое поле, в конце которого стоял дом. Гавриил подхватил ржавый прут с земли и твёрдой походкой пошёл вперёд.

– Может... – тихо зажимаясь, начал Акаша и тут же замолчал. Он послушно последовал за другом.

Идти без обуви тут было нелегко: внизу, то и дело, встречались камни и прочая неживая материя, которую обошла любовь труда.

Гавриил зашёл внутрь дома, дверь оказалась открытой. От скрипа ступеньки заинтересовался гостями и хозяин. Он вышел навстречу.

– Э! – крикнул высокий грязный пузатый мужчина. – Вы к...

Но не договорил. Гавриил ударил его железкой по ноге. Акаша зашёл следом, но загляделся на причудливый ковёр у входа: вышитый на нём олень как будто приглашал внутрь.

Из ноздрей животного шёл пар, он кивал Акаше и подпрыгивал на месте, приглашая к игре. За ним, сквозь ветки, тянулся добрый солнечный свет, который Акаша чувствовал

на коже и в самом сердце. Он потянулся к нему. Казалось, даже будто почувствовал свежий запах естественной земли и уколы сосновых иголок, но рука упёрлась в ограничение сознания и отказалась идти дальше. Свет картины потух, а вышитое животное застыло без движения и совсем потемнело от печали. Казалось, будто и в душе Акаши померк свет, и он с горьким криком бросился к столешнице, чтобы найти инструмент наказания за слабую свою жизнь.

В ящике, кроме быстросохнущего клея, ничего не нашлось, и Акаша горько зарыдал, беспомощный даже в расплате за грехи. Он чувствовал себя брошенным и преданным – за что тоже безуспешно осуждал себя, надеясь на кару. Но ни божественная молния, ни человеческая милиция, ни смертельный стыд его не тронули.

Через несколько минут вышел Гавриил, весь обляпанный пятнами крови. Акаша увидел брошенный труп вдали комнаты – такое же ненужное существо, как и он сам. Акаша встал, сделал несколько шагов, и упал рядом, рыдая. Ему было горько и от смерти этого существа, и от того, что тот смог больше, чем сам Акаша.

Рядом с трупом медленно вытекала остывающая суть человека – кровь. Здесь в ней больше не было необходимости, и поэтому она искала новое место. Акаша хотел было осудить её, попытаться влить обратно, но в последний момент решил дать волю каплям жизни выбирать свою судьбу самим – вдруг, под этими деревянными половицами, они най-

дут новое своё применение и заживут дальше счастливо?

Поднявшись на свои тощие бедные ноги, Акаша увидел в окно, как старушка, которую они встретили недавно, прошла через калитку и, нервно покачивая головой, пошла в сторону дома. Она трясла руками и как будто бы даже страдала жизнью. Видимо, она настолько погрузилась в воспоминания, что забыла о реальном окружении и одним только телом ушла на поиски. Акаша наблюдал как старушка, что-то объясняя, шла к ним. И, вдруг, ему стало страшно: что, если эта женщина подумает, будто он убил? В страхе он бросился ко входу, чтобы чем-то закрыть дверь и навсегда забыть об этом месте, не оглядываясь убежать в счастье.

Гавриил стоял на деревянной ступеньке крыльца и печально смотрел на солнце. Он специально обжигал себе сетчатку, чтобы проверить: жив ещё или уже выполнил задачу.

Из-за угла показалась пожилая женщина. Откуда-то взялась ещё одна, моложе.

– Что вы здесь делаете? – издалека спросила та, что моложе.

– Иди свои дела делай, – отмахнулся Гавриил, не обращая внимание.

– Я вас здесь не видела... – молодая продолжала идти, поднимая юбку, будто пытаясь не испачкаться в расцветающей под ногами жизни. Пожилая женщина плелась позади неё, будто стесняясь себя.

– И не увидишь, – ответил Гриша.

Молодая женщина встала перед ним.

– Дай пройти. Мне надо!

– Не надо. Там ничего уже нет, – Гавриил сел на ступеньку, полностью закрывая проход. – Иди лучше книгу почитай – в тебе свет уже почти пропал.

Женщина начала злиться и собиралась уже действовать силой. Акаша прислонился к стене за дверью и замер, пытаясь забыть, как дышать. Неожиданно, послышался слабый стук. Как будто билось чьё-то сердце. Акаша проверил, не его ли – его тоже билось, но, когда повторился другой стук, понял, что это не у него внутри.

– Что это ты делаешь? – возмутилась женщина.

– Иди да проверь! – сказал Гавриил, нисколько не смущаясь.

Женщина посмотрела на него грозно, но решила пожалеть, такого тощего и высокого, и пошла проверить. Стук повторялся. Гавриил сидел, пытаясь понять, что же делать дальше. Можно было немного передохнуть – и он уснул. Акаша посмотрел сквозь маленькое окошко из прихожей. Женщина прошла в небольшую пристройку у дома, открыла дверь. Стук всё продолжался, как будто кто-то только-только начал жить, ещё даже не осмыслив себя, но уже жадно цепляясь. Послышались звуки, скрипы, стук. Через несколько минут она вскрикнула, а затем вывела двух полуголых женщин.

– Ноженька моя, Анечка!.. – оживилась своим существом

пожилая женщина. – Это же Анечка!..

И бросилась к ней. Начались непонятные звуки, всхлипы, переживания исчезающей разлуки. Пожилая женщина повернулась к уставшему Гавриилу своими последними слезами и кое-как протянула:

– Спасибо!..

– Он, мамочка... мамочка!.. – кричала вышедшая на свет женщина, задыхаясь взхлёб слезами. – Он!.. Давно нас... мамочка!

Проспав несколько минут, Гавриил резко встал и пошёл в сторону. Акаша замялся, пытаясь раствориться, чтобы не портить момент своим грязным существом, но, всё-таки, медленно вышел и быстро побежал за другом. Никто не заметил эту виноватую тень.

Гавриил шёл очень быстро. Акаша едва поспевал за ним и удивлялся скорости, с какой может двигаться – возможно, если бы он задумался, может ли двигаться вообще, то перестал, потому что сил в нём было намного меньше, чем он расходовал. Проходить голыми ступнями по насмешливо выступающим камням было непросто – тем более, если делать это быстро. Гавриил терпел и шёл. Ему нужно было выполнить последнее поручение перед тем, как он сможет закончить миссию.

Вечерним колесом двигалось к закату солнце. Гавриил и Акаша шли по последнему ручейку улицы частного сектора, который впадал в озеро микрорайона. Здесь, друг за другом,

стояли исполины, в которых тысячами жили творящие – и потому проклятые на нищету – люди. Рядом торчала брошенная стройка с полупостроенными домами. Нужно было спуститься с небольшой возвышенности – туда, где прошла асфальтовая полоса, переходящая в грунтовую. Рядом с дорогой стояли кучи машин, в ожидании хоть каких-нибудь хозяев, и просто жалко ржавели под тяготой жары.

В нескольких десятках метров впереди шёл мужчина по узкой тропинке – единственной, по которой можно было выйти в микрорайон. Он как будто хромал и вообще не особо старался в своём движении. Возможно, это тело двигалось только силой привычки, не имея внутри сознания. Мужчина этот покачивался из стороны в сторону, держа перед собой небольшой телефон и не замечая ничего вокруг. Он смотрел в телефон и глупо увлечённо улыбался. Хлопнула смерть – и он повалился в сторону, снесённый её кинетической силой. Акаша побежал вперёд, посмотрел с небольшой горки вниз, но никого не было – только сухой песок земли.

– Что там? – спросил Гавриил.

– Должен был упасть, – с тревожным удивлением ответил

Акаша.

– Оставь. Что должно, то произойдёт – это не в наших силах.

Акаша ещё раз посмотрел вниз, желая убедиться: вдруг, всё-таки тело появится, и ему можно будет над ним поплакать, но ничего не было. И он, огорчённо вздохнув, встал и

пошёл дальше.

Спустившись по нескольким ступенькам, которые здесь кто-то заботливо оставил, они подошли к микрорайону, который встречал их прямыми углами и длинными высокими препятствиями. Затем зашли за протянутый змеёй дом, будто ей в пасть. Внутри, окружённый серыми стенами, непокорный в своей старости стоял небольшой частный район. Словно артефакт былого, он здесь выглядел неуместно и очень уютно.

Видимо, это же чувствовали и окружающие дома. Поэтому они смотрели на него выбитыми стёклами и чёрными линиями гари. Они хотели очиститься, стать этими деревянными домами, сбросив с себя бетонные путы, но не могли уже освободиться от греха. И просто смотрели печальной бесчеловечной пустотой.

Их вела слепая воля, неясная никому – даже ей самой. Пройдя несколько районов, они сделали крюк и вернулись. Акаша сел на лавку, посмотрел на свои жалкие ободранные грязные ноги. Ему стало стыдно за такую грязь, и он ударил их несколько раз ослабевшими руками, которые даже не мог сжать. Заурчало в животе – он ударил и туда, а затем грустно согнулся и заплакал. Его теперь будут стыдить: за слабость, за слёзы, за то, что мешает, за всё происходящее. И всё, что он мог – это урчать животом. Акаша плакал и о своих слабых руках: вот бы они были сильные и можно было ударить себя так, чтобы пробить живот – тогда он точно не будет урчать, и

тогда закончится всё, что он видит вокруг. Но это, к скорби самого Акаши, сейчас было невозможно.

Рядом стоял Гавриил и кусал нервные напряжённые губы, откуда уже не выходила кровь. Он думал: «Чего же ты хочешь?». В голове неприятно зудело чувство невыполненного дела. Его тянуло сюда. Это находилось здесь. Последняя часть – последний кусочек. Он был так близко, но нигде не мог найти его. И это сводило с ума, горько насмехаясь.

Где-то раздавались хлопки и взрывы, часть горизонта покрыл белый густой туман, пытающийся захватить само небо, тянущий к нему свои тонкие многочисленные пальцы – это всё не волновало двух людей, сидящих у старого подъезда.

Развернувшись, Гавриил решил ещё раз пройти кругом: он что-то упустил, точно упустил – этого не может здесь не быть. И он найдёт, не подведёт. Акаша отвернулся от умиления раскрывающейся нежной сиренью, и поковылял своим слабым телом вслед.

Пройдя ещё раз несколько районов, из-за дома, вдруг, показался человек. Он уверенным шагом шёл в их сторону и нисколько не смущался этим. Гавриил пошёл к нему, одновременно запуская руку в карман.

Теперь точно всё. В руках у этого странного высокого и плотного мужчины был пакетик с небольшим круглым предметом. Акаша заинтересовался им, подошёл ближе.

Оставалась сотня метров. Мужчина заметил двух человек, что шли ему навстречу – и совершенно не показывал

никакого внимания. Он продолжал идти, как шёл ему навстречу Гавриил – тоже высокий и гордый собой. Пятьдесят метров... тридцать... двадцать. Они были всего на расстоянии нескольких шагов. Вдруг, Гавриил дёрнул рукой, доставая складной нож из кармана, раскрыл его, и бросился на проходящего рядом человека. Акаша, насколько мог, побежал к ним, пытаясь понять: не случилось ли с его другом чего плохого – почему он стоит над человеком. Возможно, и другому была нужна помощь.

– Вот и всё... – выдыхая, проговорил Гавриил.

– Что с ним? Плохо?.. – спросил Акаша.

Ипуская последний вздох, человек подумал:

«Меня убили за лепёшку... я... и меня...», – и тяжело закрыл глаза, растворяясь в конечном несуществовании.

– С ним всё. Получил своё. На, вот, и ты получи, – Гавриил разжал мёртвые длинные пальцы и подал розовый целлофановый пакетик с сырной лепёшкой внутри.

– Спасибо!.. – на грязном лице Акаши из уголков глаз протянулись две небольшие канавки. Он ел и плакал, с щемящей признательностью перед своим другом, который отдал ему последнее, благословляя.

Шатаясь ослабленным телом, Гавриил понял, что последнее дело он сейчас не завершит. Да и спешить бело некуда. Он медленно пошёл к одному из подъездов, чтобы там бросить тело и временно закончить существование. За эти дни он так устал, что мог проспать несколько часов подряд

– иногда даже не продолжать жить в собственном сне таким же грустным образом. Гавриил прошёл в раскрытый своими мёртвыми объятиями тихий подъезд, провёл глазами по покрашенным стенам, и лёг у входа в подвал. Рядом лёг Акаша. Они свернулись, как брошенные смыслом собаки, чтобы стало теплее и чуть живее – и уснули.

Акаша всю ночь пролежал – или ему так казалось – боясь пошевелиться. Казалось, будто стены слушают его, смотрят и смеются. Да, сначала он не помог одному, потом на его глазах умер другой. Совсем бессильный – есть над чем посмеяться. Даже ударить себя не может – не заслуживает наказания. Такой никчёмный. Но, с другой стороны, разве никчёмный? Разве не даёт ему жизнь благо? Не даёт ему спину друга? Не даёт ему солнечных лучей? Тогда почему они так громко и нагло смеются? Скрипучий смех, вой от ужаса – и снова смех. Чем он заслужил такое отношение?

Закрываясь руками, он старался отмахиваться от насекомых внутри головы. Но они зноем жужжали то одной мыслью, то другой, то третьей, то десятой, то сотой – мучили, не давали покоя.

С первым просветлением неба, проснулся Гавриил. Он безучастно отшатнулся от Акаши и встал. Предательски дрожали ослабевшие колени. Времени оставалось немного. Он молча выдохнул и вышел из подъезда. Тревожно осмотревшись, встал и Акаша. Страх одиночества гнал его неведомой тёмной силой вон отсюда, выметал из подъезда в холодное

неприятельское утро. Увидев друга, Акаша расплылся в собственных лучах удовлетворения жизнью, и успокоился.

На асфальте проявилась надпись "Прыгни! И попадёшь в рай!". Акаша прыгнул, подождал несколько секунд, затем ещё несколько раз.

– Что ты делаешь? – спросил Гавриил.

– Попадаю в рай... – огорчённый отказом, ответил Акаша.

– Наверное, больше нельзя. Кончился.

– Как рай может кончиться? – удивился Акаша.

– Сколько здесь это написано? Все уже давно прыгнули – вот и кончился.

Акаша огорчённо посмотрел на потёртые белые буквы, словно мог в них провалиться, но не провалился, и пошёл дальше.

Почему-то всю землю затянул густой туман – видно было лишь на пятнадцать метро вдаль. Акаше казалось, что он попал в воду – и поэтому двигался медленно. И дышал медленно – вдруг, он втянет в себя этот туман – и умрёт. Ему было страшно, поэтому и осторожничал. Акаша не умел плавать – поэтому лишь шёл, аккуратно ступая с одной ноги на другую, слегка прыгая. Гавриил шёл как прежде – и это удивляло Акашу. Он успокаивал себя мыслью: разве это невозможно для него?

Сквозь серую мглу пробивалось небольшое пятно. День, скорее всего, тянулся к зениту, когда они вышли в нужное место. Вокруг лежали пятнистые тела с касками – рядом с

машинами. Над всем местом возвышался бронзовый человек, водружённый на бетонный пьедестал – он твёрдо смотрел вниз, держа вечный свой автомат.

Упав на колени у ступенек, куда осыпались тюльпаны, Акаша заплакал. Он горько плакал происходящему. Плакал и тому, что вынужден видеть этот воин – умерший давно за то, чтобы Акаша мог жить. Чтобы все эти холодные ненужные тела были сейчас счастливы.

Гавриил отошёл в сторону, посмотрел. Затем куда-то отошёл. Акаша не заметил пропажи друга, потому что горько плакал и жалился над собой и печальной судьбой, которой он жил. В беспокойной своей голове Акаша снова корил себя, что не смог ничего сделать – чувствовал, что нужно было остановить, пока не стало поздно. Нужно бежать, спасать, действовать! Нужно было прекращать – так твёрдо смотрел на него воин, что Акаша не мог посмотреть в ответ и только горько вздыхал, держась за грудь тонкой грязной рукой, и страдал от безнадёжности идущей жизни.

Когда рядом послышался шум, он смог совладать с сознанием и приподнялся. Рядом был Гавриил – он что-то принёс в охапке рук, сложил это перед воином, и полез в карман. Акаша встал, подошёл ближе. Гавриил достал спички, достал несколько бумажек, подложил вниз. Затем, сложив руки, зажёл спичку.

Первая ничего не зажгла. Последовала ещё одна, которая дала лишь небольшой огонёк – и огорчённо затухла. Ещё,

и ещё – не получалось зажечь. И только, когда оставалось несколько спичек, появился огонь. Маленький, слабенький, он скромно пожирал тонкую свою добычу и рос, крепла его решимость жить и слепая жажда. Всё большими кусками огонёк захватывал в себя бумагу. Затем перекинулся на тонкие сухие веточки. И так, по чуть-чуть, разошёлся весь, отдавая вокруг тепло своего энтузиазма и жизненного порыва.

Тепло приятно грело пальцы и, казалось, что у Акаши снова есть смысл жизни. Гавриил смотрел на это умиротворённо, сел устало рядом на потрескавшуюся гранитную плитку, и тяжело выдохнул: начало положено. Его не пугал дальнейший путь, но всё равно лёгким грузом лежало осознание необходимых действий.

С каждой секундой тепла, Акаша будто очищался. Очищался сам мир. Туман начал постепенно исчезать, открывая разрушенные пустующие просторы брошенной жизни. Акаша оглядел это, хотел ужаснуться, но тепло не дало ему дрогнуть – и он лишь печально вздохнул.

– Какой милый огонь... – сказал Акаша.

– Жизнь не может быть противной, – ответил Гавриил. – Все эти действия... спешка... волнения... Мы не умеем жить.

– Что же делать?

– Не умели, – поправил себя Гавриил. Он махнул в сторону огня. – Теперь мы знаем. Видишь, горит? Значит, знаем. Значит, надежда есть. Пока есть надежда – есть и движение.

– А если она исчезнет? – тревожно спросил Акаша.

– Тогда появится тот, кто её возродит. Огонь – это свойство всего. Его не может не быть вообще. Раз он появился, то будет всегда – рано или поздно.

Акаша закрыл глаза и вдохнул свежий воздух, притянутый ветром. Тепло приятно грело ноги и сердце. Он знал, что отчаяние отступило – значит, появилось место для будущей радости. И это его успокаивало.